

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882 Жуковский

И.А. Айзикова

СОЧИНЕНИЯ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.
В БИБЛИОТЕКЕ В.А. ЖУКОВСКОГО¹

Статья построена на неизученном материале библиотеки В.А. Жуковского, рассматриваемом в тесной связи с его творческим наследием. Делается попытка реконструкции восприятия писателем книг о войне 1812 г. и определения смысла этой рецензии. Уточняются аспекты философии истории Жуковского 1830-х гг., а также его представление о проблеме историзма в литературе данного периода.

Ключевые слова: библиотека В.А. Жуковского, Отечественная война 1812 г., рецензия, историзм, философия истории.

Как было показано томскими исследователями творчества В.А. Жуковского, оно неотделимо от материалов его библиотеки, которая расширяет наши представления об эволюции мировоззрения поэта и его эстетическом развитии (см.: [1]). Большой интерес, в частности, представляют сочинения об Отечественной войне 1812 г., находящиеся в книжном собрании Жуковского. Они свидетельствуют о его глубоком и длительном внимании к этому историческому событию, восприятие которого определялось не только его принципиальным значением для России и Европы, но и непосредственным участием в нем самого поэта. Как известно, в конце июля 1812 г. Жуковский в составе первого пехотного полка Московского ополчения отправился к боевым позициям.

Можно говорить о двух пиках интереса русского и европейского общества к Отечественной войне в первой половине XIX в., что нашло отражение и в библиотеке Жуковского. В ней – книги, опубликованные в первые послевоенные и в 1830–40-е гг. Книг о войне 1812 г. набралось в библиотеке поэта немного, чуть более десятка. Помет в большинстве изданий нет или они сводятся к нескольким записям, но все книги разрезаны (полностью или частично), у некоторых из-за активного пользования испорчены переплеты и обложки.

Самым ранним по выходу в свет в библиотеке поэта является «Слово похвальное всемилостивейшему государю императору Александру Первому, августейшему избавителю и миротворцу Европы» профессора Московского университета А.Ф. Мерзлякова [2], сблизившегося с Жуковским еще в Московском университетском благородном пансионе. «Слово похвальное...» было произнесено им на одном из публичных годовых собраний университета – 10 июля 1814 г. Оно написано в строгом соответствии с традициями классицистических хвалебно-торжественных од Ломоносова, культивировавшихся

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-04-00022а.

Мерзляковым еще в Благородном пансионе, а потом в «Дружеском литературном обществе». Всем этим (личность Мерзлякова, память о пансионе и «Дружеском литературном обществе»), конечно, можно объяснять интерес Жуковского к данному сочинению, но, скорее всего, его привлекла тема и проблематика «Слова похвального...». Эстетика и поэтика сочинения Мерзлякова, может быть, шла вразрез с художественными поисками Жуковского-романтика, но проблемы, затрагиваемые в «Слове...», были весьма актуальны для него в это время – в период рождения замысла послания «Императору Александру» и окончания работы над «Собранием стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», где образ русского царя занимал одно из центральных мест¹.

Выраженная самим заглавием и разлитая по всему тексту мысль Мерзлякова об Александре-избавителе и миротворце Европы, о том, что его победа над Наполеоном – это «торжество всех народов, всех добродетелей... торжество Неба... самого Бога» [2. С. 3], лейтмотивом проходит через метатекст антологии Жуковского, собравшей стихотворения о 1812 г. Мотив избавления русским царем Европы «от потрясения междоусобий и раздоров, от потопа воинств, двадцать лет ее наводнявших, от опустошительной язвы разврата, безбожия, переворотов, от позорных цепей рабства» [2. С. 5] был глубоко личным для Жуковского, об этом он писал в послании «Императору Александру». Естественно, что «Слово...» Мерзлякова, посвященное этим идеям, не могло не привлечь внимания Жуковского.

Речь Мерзлякова, являясь довольно пространной, освещает фигуру Александра I с разных сторон. Например, автор уподобляет его Моисею, «всегда Израиля», перешедшему невредимым «посреди моря в землю, праотцам его обетованную», «такое Александр, с самого начала царствования искушаемый непрерывно новым фараоном, провел наконец своего Росса ко благу и славе... сквозь кровавое и бурное море войны и соблазнов» [2. С. 10]. В деятельности русского царя Мерзляков видит непременно «намерение высокое: жертвовать собою, чтобы искупить спасение и независимость человечества» [2. С. 13]. Основные характеристики личности Александра I в «Слове...» Мерзлякова – смиренный, кроткий, мудрый, милосердный, великодушный. Многие из сказанного об Александре I Мерзляковым повторяет в своих сочинениях и Жуковский (кроме ранних стихотворений: «Русскому царю», «Молитва русского народа», «Императору Александру», назовем и поздние сочинения: «Бородинская годовщина» (стихотворение и статья), «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года», «Пожар Зимнего дворца», «О происшествиях 1848 года», о которых подробнее см.: [6. С. 310–322, 349]).

Одновременно, по контрасту с Александром I, Наполеон называется Мерзляковым «попирающим стопы законы и веру... не знающим предела своему властолюбию», «предерзким чудовищем» [2. С. 16, 18]. Это – ведущие мотивы стихотворений, вошедших в антологию о 1812 г. Жуковского (например, «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, непрерывными поражениями его армии сопровождаемое»

¹ Аргументы, доказывающие, что составителем антологии являлся В.А. Жуковский, см. в работах: [3, 4, 5].

И. Кованько, «Песнь на поражение Галльского фараона» А. Урываева, «На бегство Наполеона с остатком войск его» Ф. Кокошкина, «Исповедь Наполеона французам (Русский перевод хвастливых Наполеоновых бюллетеней или военных известий)» (не подписано), «Возвращение тирана Наполеона во Францию» Н. Николева, «Побег Наполеона Карловича из земли Русской. Шутливое стихотворение» (не подписано), «Надпись короновавшемуся железной короной» (без подписи) и др.) [7]. И в более позднем своем творчестве Жуковский не раз будет возвращаться к фигуре Наполеона (см.: [6. С. 314–319, 342–346; 8, 9, 10]).

Обрисовка образа Александра I в «Слове...» Мерзлякова перекликается с трактовкой войны 1812 г., которая, по мнению автора, не просто носила «оборонительный характер», но этим соответствовала характеру русского царя, «которого нежное сердце до последней необходимости мечтало о мире» [2. С. 31]. В своих размышлениях о ходе войны Мерзляков приходит к выводу о его предопределенности пронизательностью Александра I и Провидением, которые, в частности, выбрали «местом для мщения» не Бородинское поле, а Москву. Именно Москве суждено было восстать из пепла для воскресения всей Европы. Тема оставления Москвы и ее освобождения также становится одной из центральных в антологии Жуковского. Она развивается в «Освобождении Москвы» Д. Хвостова, в «Оде на освобождение Москвы» И. Ламанского, в стихотворении Ф. Иванова «На разрушение Москвы», в «Радостном гласе первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии Монарха и Отца, Александра Первого, Июля 11 дня 1812 года» П.Г. Кутузова и др.

* * *

Большая часть сочинений о 1812 г. из книжного собрания поэта издана в 30-е гг. XIX в., в связи с празднованием 25-летия победы России над наполеоновской армией. Это – знаменитые «Записки о 1812 годе» С.Н. Глинки (СПб., 1836), его же «Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года, с присовокуплением статей: 1) Александр Первый и Наполеон. 2) Наполеон и Москва» (СПб., 1837), «Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о 1812 годе» в двух частях Ф.Н. Глинки (М., 1839), «Рассказ артиллериста о деле Бородинском» Н. Любенкова (СПб., 1837), «Благоговеющая Европа пред мавзолеем Александра I Благословенного» Н.И. Фомина (СПб., 1833), «Москва и Париж в 1812–1814 годах. Воспоминания, в разностопных стихах» А.А. Шаховского (СПб., 1830). Как видно из приведенного списка, в 1830-е гг. библиотека Жуковского пополнилась рядом мемуарных сочинений о войне 1812 г., оформленных в жанр записок, очерка, рассказа, и центральное место во многих из них занимает осмысление Бородинского сражения.

Эта тема оказывается главной в воспоминаниях Ф.Н. Глинки, адъютанта М.А. Милорадовича в 1812 г., участника всех главных сражений Отечественной войны, в том числе и Бородинского. «Очерки Бородинского сражения» были прочитаны Жуковским с большим вниманием. Об этом свидетельствует характер его помет: исправлены опечатки (на с. 64, 107), примечание на

с. 34 – «Последние слова раненого полковника» к фразе в основном тексте «Наши дрались как львы: это был ад, а не сражение» уточнено Жуковским: на полях подписана фамилия командира Московского полка Ф.Ф. Монахтина, ставшего прототипом героя стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино». На с. 46 напротив описания генерала Ермолова на полях сделана запись: «отсюда читать примечание 5-ое».

В «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Жуковский включил 3 стихотворения Ф. Глинки, одно из них – знаменитая «Солдатская песня, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 г.». «Очерки Бородинского сражения» Ф. Глинки начинаются именно этой темой: «Смоленск сгорел, Смоленск уступлен неприятелю». Чуть ниже дается яркая зарисовка, по-своему, в сравнении с «Солдатской песней», передающая настроение русских солдат, собравшихся под стенами Смоленска: «Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим *бороды наших отцов!* пора драться!» [11. Ч. 1. С. 8]. Описание в целом французской оккупации автор строит на ярком образе «страшной занозы», проникающей «в здоровое тело России». Далее Глинка сравнивает события, происходившие в России летом 1812 г., с Апокалипсисом, с «каким-то особенным временем» «всеобщего перемещения», «смешения языков»: «Неаполь, Италия и Польша очутились среди России! Люди, которых колыбель освещалась заревом Везувия... люди с берегов Вислы, Варты и Немана шли, тянулись по нашей столбовой дороге в Москву, ночевали в наших русских избах, грелись нашими объемистыми русскими печами» [11. Ч. 1. С. 6].

Одной из центральных фигур очерков Глинки является М.И. Кутузов. Мемуарист последовательно подчеркивает, что нравственную силу великому полководцу давали всенародная поддержка и доверие. Образ Кутузова, его масштаб, сложившийся в воспоминаниях Глинки, очень близок тому, что встречаем в творчестве Жуковского. Показательно, например, что в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Кутузову посвящено более двух десятков произведений, которые складываются в летопись жизни полководца, начиная с избрания его в июле 1812 г. на Собрании дворянства и купечества начальником Петербургского, а потом и Московского ополчения.

Центральное место в первой части очерков Глинки занимает подробнейшее описание «Бородинской позиции», какой ее запомнил автор 22–23 августа 1812 г. Эта картина уводит автора в рассуждения об истории общей и частной, о той, что моложе современности, и о современности, которая всегда моложе истории. Вторая часть очерков полностью посвящена описанию самой битвы, которая, по словам Глинки, «не должна идти в разряд ни с какою другою». Интересно сравнить воспоминания Глинки с тем, что примерно в одно время с ним вспоминал о Бородинском сражении Жуковский в письме к великой княгине Марии Николаевне, которое впоследствии было опубликовано в «Современнике» в виде статьи под названием «Бородинская годовщина». Он тоже пишет о ночи накануне сражения, «овладевшей небом, которое было темно и ясно, и звезды ярко горели; зажглись костры, армия заснула вся с мыслью, что на другой день быть великому бою». Жуковский вспоминает

тишину, воцарившуюся тогда повсюду, распростершуюся «над двумя армиями, где столь многие обречены были на другой день погибнуть», в этом, по мнению поэта, «было что-то роковое и несказанное». И далее описывает сам бой, запомнившийся ему как «кровавая свалка» [12. Т. 12. С. 53]. А в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в августе 1839 г., Жуковский назовет поименно многих отличившихся в сражении: М.И. Кутузова, М.Б. Баркляя де Толли, П.П. Коновницына, Н.Н. Раевского, М.И. Платова, М.А. Милорадовича, Д.С. Дохтурова, П.А. Строганова, Э.Ф. Сен-При, С.Н. Ланского, А.П. Тормасова, Д.П. Неверовского, А.Ф. Ланжерона, Л.Л. Бенигсона, Д.В. Давыдова, П.И. Багратиона. Эти же имена перечисляет Глинка в своих очерках. Он вспоминает, например, Коновницына, «истого представителя тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями» (ср. у Жуковского: «Дерзкой бодростью дивившийся... Коновницын, ратных честь» [13. С. 318]), описывает военную операцию, проведенную под командой Платова, о которой вспоминает и Жуковский, пишет о батарее Дохтурова и т.д. Называет в своих очерках Глинка и имя Жуковского: «В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане русских был наш Кернер, В.А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля?» [11. Ч. 1. С. 20]. В «Подробном отчете о луне» (1820) Жуковский сам описывает вечер, когда в лагере под Тарутином он читал свои стихи: «В рядах отечественной рати, / Певец, по слуху знавший бой, / Стоял и с лирой боевой / И мщенье пел для ратных братьев» [13. С. 197].

В «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» тема Бородинского сражения непосредственно вошла тремя стихотворениями: это «Сражение при Бородине, эпическая песня, посвященная храброму российскому воинству» участника войны 1812 г. Д.П. Глебова, «Надпись на поле Бородинском» Н.Д. Иванчина-Писарева и «Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в Августе 1812 года» Г.Р. Державина. Историю, которая легла в основу державинской оды и о которой упоминает в своей «Надписи...» Иванчин-Писарев («Здесь бился Божий меч, князь русский Михаил. / Я помню, как он шёл украшен сединами, / Как он пред битвою с полками говорил. / Он страшен был, когда сражался со врагами. / Тогда на месте сем парил над ним орел; / В час сечи роковой над старцем опустился; / Вождь обнажил чело и духом ополчился» [7. Ч. 1. С. 120]), рассказывает и Глинка в своих очерках.

Забываясь об исторической достоверности своих очерков, Ф. Глинка приводит фронтовые записи, сделанные им в дни сражения, ссылается на документы, в частности на донесения Кутузова императору, на собственные «Письма русского офицера», созданные «по горячим следам» событий, а также предлагает «взглянуть в книгу Любенкова», имея в виду «Рассказ артиллериста о деле Бородинском» Николая Любенкова. Он цитирует эпизод из

этой книги, где рассказывается о безымянном тяжело раненном солдате, который вырывался «из рук перевязчика и кричал без памяти: “Второе и третье орудие по правой колонне... пли! ”», а далее пересказывает ряд сцен, в одной из которых поручик Давыдов, «раненный (под грозою разрушения), сидел в стороне и читал свою любимую книгу: “Юнговы ночи”, а картечь вихрилась над спокойным чтцом. На вопрос: “Что ты делаешь?” – “Надобно успокоить душу. Я исполнил свой долг и жду смерти!” – отвечал раненый», а в другой описываются последние минуты жизни поручика Норова, едва успевшего сказать боевым товарищам: «”Не оставляйте, братцы, места и поклонитесь родным!” Проговоря это, умер!» [11. Ч. 2. С. 67–68].

Упоминаемый Ф. Глинкой «Рассказ артиллериста о деле Бородинском» Н. Любенкова есть в библиотеке В.А. Жуковского. Содержание его и сам принцип изображения истории («передадим, как чувствуем») не могли не привлечь внимания Жуковского. Примечательно в этом плане, что в свою антологию, посвященную войне 1812 г., Жуковский включил целый ряд произведений-откликов о военных событиях непосредственных их участников («Песня к русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым Июля дня 1812 (Вологда)», уже упоминавшаяся выше «Авангардная песня» Ф. Глинки, с ее красноречивым подзаголовком «Сочинена во время командования авангардом главной армии Графом Михаилом Андреевичем Милорадовичем в Бунцлау марта 16 1813 (В главной квартире российской армии)», «Песня ратников Санкт-петербургского ополчения» М. Шулепникова). Поразительно также совпадение общего пафоса «Рассказа...» Н. Любенкова с главной идеей воспоминаний о Бородинском сражении Жуковского: оба пронизывают воспоминания, с одной стороны, мыслью о войне как обреченности множества людей на гибель, с другой – воспеванием мирной жизни.

Тема Бородинского сражения рассмотрена в контексте событий 1812 г. в целом в еще одной книге из библиотеки Жуковского – в «Записках о 1812 году С. Глинки, первого ратника Московского ополчения» (СПб., 1836), которые по праву можно считать русской мемуарной классикой, во многом опередившей отечественную прозу. Представляя массу исторически достоверных материалов, записки Глинки тоже отличались личностным взглядом на картину войны, в фокус которого вошли и конкретные факты, и поведение человека на войне, и мир его переживаний, что, по-видимому, больше всего ценилось Жуковским. Записки С. Глинки запечатлели голос штатского человека, вступившего в военные действия по зову совести и гражданского долга, и в силу этого они, конечно, отличаются от офицерских записок его брата. Хотя в главном С. и Ф. Глинки в своих записках о войне 1812 г. сходятся: они одинаково остро ощущают величие происходящих на их глазах событий. Оба безошибочно затрагивают наиболее значительные детали, даты, лица, душевные движения, общественные настроения.

Расширяя хронологический диапазон своих записок, по сравнению с воспоминаниями брата, С. Глинка почти без пропусков, иногда чуть ли не по часам, запечатлел весь ход 1812 г., начиная с трех часов утра 11 июля, когда он прочитал воззвание Александра I «Первопрестольной столице нашей Москве», содержащее призыв к москвичам организовать ополчение. Этому

событию было посвящено немало произведений, ряд из них вошел в «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (в том числе стихотворение С. Глинки «Голос русского народа по случаю прибытия Государя Императора в первопрестольный град Москву», а также «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии Монарха и Отца, Александра Первого, Июля 11 дня 1812 года» П.Г. Кутузова, «Стихи, писанные по прочтении в Московских Ведомостях Высочайшего Рескрипта на имя графа Н.П. Салтыкова, от 13 июля 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы» Гр. Волкова, «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. Ламанского и др.).

Заметное место в записках Глинки занимает еще одна дата – 15 июля 1812 г., день собрания московского купечества и дворянства по случаю приезда в Москву императора, состоявшегося в Слободском дворце и ставшего исходной точкой сбора народного ополчения. Эта дата также была отмечена рядом литературных произведений, одно из которых вошло в поэтическую антологию Жуковского, «Стихи, по случаю Собрания дворянства и купечества в Слободском дворце Июля 15, 1812 года», перепечатанные Жуковским из «Русского вестника» С. Глинки. Еще одна веха Отечественной войны 1812 г., запечатленная С. Глинкой в записках, связана с взятием французами Смоленска и с партизанским движением, развернувшимся на территории оккупированной России. В «Собрании...» Жуковского это событие также нашло свое отражение, оно передано глазами Ф. Глинки, автора стихотворения «На соединение армии под стенами Смоленска 1812 года 22 Июля».

Однако центральное место отводится мемуаристом Бородинскому сражению. Он называет день 23 августа 1812 г. «достопамятным днем двух эпох», имея в виду переключку августовских событий русской истории 1812 и 1612 гг., когда русские ополченцы поднялись на борьбу с польскими интервентами под Москвой. Само сражение под Бородином описывается С. Глинкой со слов полковника Ф.Ф. Монахтина, которого он случайно встретил тяжело раненным в Москве 30 августа. Имя этого человека Жуковский, как было отмечено выше, вписал на полях, читая записки Ф. Глинки. Одно из самых трагических событий 1812 г. – оставление Москвы в записках С. Глинки передано через взгляд на него М.И. Кутузова, сказавшего в момент въезда Наполеона в столицу России: «Слава богу, это последнее их торжество».

Подчеркивая народный характер войны 1812 г., ряд глав своих записок Глинка посвящает подвигам русских крестьян и горожан, боровшихся с врагом, называя имена звенигородских мещан Николая Овчинникова и Ивана Горяинова, воскресенского купца Пентюхова, дворового человека князя Голицына Алексея Абросимова, вотчинного старосты графа Остермана села Ильинского Егора Яковлева и др. (ср. в антологии Жуковского «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгарда и Шубина, и на монаршие щедроты, излинные на них» А. Писарева, посвященные организаторам и руководителям партизанского отряда, подполковнику в отставке, проживавшему в своём родовом имении – селе Дягилеве Поречского уезда Смоленской губернии П.И. Энгельгардту и коллежскому ассессору С.И. Шубину, которые были расстреляны по приказанию Наполеона).

Интересно, что С. Глинка в своих записках вспоминает образ Жуковского, очень близкий к созданному Ф. Глинкой. В главе «Московские выходцы в Нижнем» он пишет: «С пламенной душой поспешил он к развевающимся знаменам русским. Парение духа его усиливалось полетом необычайных событий. Он видел сподвижников новой, небывалой дотоле войны на лице земли. Он вник в душу каждого из них и в песнях своих передал им блеск их доблестей, в тех песнях, которые сливались с громами пушечными. Пылкая душа окрылялась, видя сотоварищей юных дней своих, летевших на смерть или к победе».

Несколько книг из библиотеки Жуковского посвящены послебородинским событиям. Прежде всего, обратимся еще к одному сочинению С. Глинки – знаменитым «Запискам о Москве». Книга пришла к Жуковскому по подписке. Среди подписавшихся на нее, кроме Жуковского, были императрица Александра Федоровна, великий князь Александр Николаевич, великая княгиня Мария Николаевна, князя А.Н. Голицын, П.М. Волконский, П.А. Вяземский, а также митрополит Филарет, А.А. Вельяминов, Н.М. Лонгинов, П.А. Плетнев, М.Ю. Вьельгорский, Н.И. Греч, А.Ф. Воейков, Ф.Н. Глинка, И.В. Киреевский, Н.А. Полевой и др. Сам круг названных имен показателен для понимания рецепции книги С. Глинки в России. Она открывается эпиграфами: из стихотворений Г.Р. Державина и М.В. Ломоносова, объединенных взглядом на Россию как защитницу Европы. «Записки о событиях заграничных и происшествиях московских 1813, 14 и до половины 15 года», передающие концепцию истории Глинки, открываются предисловием, в котором он утверждает, что его записки вышли «из незабвенного времени, ему и должны принадлежать». И далее это «незабвенное время» характеризуется через категорию «духа самоотречения, восставшего тогда за жизнь отечества», который «будет переходить из века в век до тех дней, доколе не исчезнет в душе сила нравственная, охраняющая народы и человечество» [14. С. II, III]. Здесь обозначен краеугольный камень романтического понимания истории, полностью разделяемый Жуковским: ее нравственный смысл и важнейший, в представлении Глинки, двигатель исторического развития – народный «дух», народное единство в достижении высоких целей истории.

В предисловии же автор отвечает на замечания рецензентов об отсутствии в записках «порядка систематического». Именно в этом Глинка видит достоинство своего сочинения, имеющего, с его точки зрения, большую ценность, чем стройная картина событий, – «жар своего времени», отражающий живой исторический процесс в восприятии включенной в него личности. Содержательно книга распадается на две части, первая описывает Европу в конце 1812 – начале 1813 г., а вторая представляет «частные записки», касающиеся въезда Глинки «с семейством» в Москву после изгнания Наполеона. Кроме того, заданная в предисловии идея исторических сопоставлений разворачивается в сравнение русской истории 1713 и 1813 гг. и выливается в «общий взгляд на события от исхода 1812 до половины 1815 года». Он заключается в идее объективной связи Отечественной войны и заграничных походов русской армии, расцениваемых как необходимое продолжение и завершение событий 1812 г., произошедших на территории России, что, в общем, отражает русскую мемуарную традицию.

Особый интерес в «Записках о Москве» представляют «дополнительные статьи». Среди них – статья о Наполеоне, генерале и императоре, гении и тиране. Ее пафос можно выразить риторическим вопросом самого автора: «Отчего в лице одного человека как будто бы явилось несколько завоевателей?» [14. С. 222]. Книга II «Записок о Москве» представляет собой еще одну «дополнительную статью», которая тоже посвящена Наполеону – «Наполеон и Москва». Она, в свою очередь, входит в диалог с другой «дополнительной статьей», посвященной «замечаниям на суждения в «Библиотеке для чтения» о двух «главных современниках» первой четверти XIX в. – об Александре I и Наполеоне. Рассуждая о напечатанном в «Библиотеке для чтения» в 1837 г. разборе сочинения А.И. Михайловского-Данилевского о походе 1814 г., где Наполеон как великий полководец противопоставляется Александру I как «величайшему уму своего века» [14. С. 226], Глинка, в соответствии со своей концепцией истории, близкой Жуковскому, выстраивает оппозицию. Он считает, что в годы Отечественной войны боролись «сила и доверие человечества к любви к человечеству», что гений Наполеона «в полете» сбился с «настоящего поприща» и что «венец победы предстоял тому, кто лучше понял свой век» [14. С. 227, 251]. Александр I, на которого изначально была возложена миссия спасителя, готовился к 1812 г. с самого начала наполеоновских походов. Свое видение «главных современников» начала XIX в. Глинка представляет как выражение единой точки зрения русской литературы на Александра I и Наполеона, приводя в подтверждение тому цитаты из стихотворений Карамзина («Освобождение Европы и слава Александра I») и Жуковского («К императору Александру»).

Еще одна книга о Москве военной поры из библиотеки Жуковского – вышедшая из печати в 1830 г. поэма «Москва и Париж в 1812 и 1814 годах» А.А. Шаховского – могла привлечь пристальное внимание поэта по ряду причин. Прежде всего, его не мог не заинтересовать сам замысел художественного произведения об исторических событиях, которые еще не ушли в прошлое. В этом отношении очень интересно письмо Жуковского М.Н. Загоскину от 12 января 1830 г., в котором поэт высказывает свои сомнения и опасения по поводу задуманного Загоскиным нового романа – о 1812 г.: «...боюсь великих предстоящих Вам трудностей. Исторические лица 1612 года были в Вашей власти, Вы могли выставлять их по произволу; исторические лица 1812 года Вам не дадутся! С первыми Вы легко могли познакомить воображение читателя, и он, благодаря Вашему таланту, уверен с Вами, что они точно были такими, какими Ваше воображение их представило ему; с последними этого сделать нельзя: мы знаем их; мы слишком к ним близки; мы уже предупреждены на счет их, и существенность для нас загородит вымысел» [15. С. 371–372].

Привлекает внимание и авторский подзаголовок к сочинению – «Воспоминания». Желание Шаховского передать дух недавних, но уже прошедших событий сказывается и в посвящении поэмы лейб-гвардии Преображенскому полку, которое сопровождается еще и прозаическим авторским комментарием, где читателю сообщается, что Шаховской был записан на службу в этот полк в 16 лет, что лейб-гвардии Преображенский полк издавна славен «любовью к просвещению», что многие «словесники наши в нем начали службу

свою», и далее перечисляются имена Хилкова, Сумарокова, Державина, Болтина, Соймонова. В следующем далее «Предисловии» автор утверждает, что «дивные происшествия 1812 и 1814 годов», само сближение этих дат всегда казались ему «достоянием вдохновенной поэзии» [16. С. 4, 5].

Предисловие в целом носит программный эстетический характер. Подчеркивая масштаб описываемых событий, Шаховской пишет, что они достойны «Псалтири псалмопевца», соотносятся с высокими целями древнегреческих поэтов, «как зрелище страстей и бедствий, приводящих в трепет человечество, должны были возбудить бурю в мрачном духе Байрона» [16. С. 5]. Перечислив все художественные традиции, сосуществовавшие в русской литературе 1830-х гг., от классицизма до романтизма, Шаховской сообщает, что он «писал, как чувствовал... Начав в минуту восторга, порожденного воспоминаниями... я не думал ни о форме, ни о заглавии моего сочинения, и еще не знаю точно, принадлежит ли оно к классическому или романтическому роду» [16. С. 6]. Как видим, предмет изображения в поэме (живая история в художественном тексте – об этой проблеме писал и Жуковский Загоскину) напрямую связывается Шаховским с художественным методом и, по сути, выводит сочинение о «дивных происшествиях 1812 и 1814 годов» за пределы и классицизма, и романтизма, тем самым чрезвычайно красноречиво характеризуя произведение Шаховского как продукт русской литературы 1830-х гг., повернувшейся к конкретным фактам, событиям, деталям, лицам. Кроме того, очень показательно еще одно замечание в «Предисловии» к поэме: «...я желаю душевно, чтобы сведущие словесники признали разностопное стихосложение красивым свойством нашего рифмического стиха» [16. С. 6]. Указание на особенный размер своего стихотворного сочинения, который гармонично сочетается, в представлении автора, в особенности мемуарного нарратива, Шаховской внес и в его подзаголовок: «Воспоминания, в разностопных стихах».

Итак, поэма Шаховского входила в эпицентр литературной борьбы 1830-х гг., которая, как известно, во многом была связана с проблемами взаимодействия поэзии и прозы, эпоса и лирики, с ролью и возможностями гекзаметра, с принципами историзма художественного повествования, с утверждением в литературе эпических тенденций. Все эти вопросы определяли в 1830-е гг. и художественные поиски Жуковского.

Наконец, поэма Шаховского могла быть интересна Жуковскому синтезом лирических отступлений и эпических картин, а также обширными прозаическими примечаниями к стихотворному тексту, где автор восторженно рассуждает о политике Петра I, по контрасту с которым характеризует Наполеона, приводит множество конкретных деталей, представляющих вступление русской армии в Париж, размышляет об «Энциклопедии» Дидро и ее роли в подготовке революции и т.д.

Образ Александра I как милосердного и мудрого освободителя Европы, сформировавшийся в русском общественном сознании в первые послевоенные годы, сохранял свою актуальность и в 1830-е гг., что мы встречаем еще в одном сочинении, хранящемся в составе личной библиотеки Жуковского – «Благоговущая Европа пред мавзолеем Александра I Благословенного» Н.И. Фомина, ныне забытого автора, который начал писать во второй поло-

вине 1820-х гг. Его перу принадлежит довольно длинный ряд сочинений, восхваляющих русских императоров и особ царской фамилии.

«Благоговеющая Европа пред мавзолеем Александра I Благословенного» органично входит в ту волну интереса русского общества к войне 1812 г., которая возникла в 1830-е гг., отражая переключку эпох. Брошюра открывается вклейкой с изображением Александровской колонны, воздвигнутой в центре Дворцовой площади Санкт-Петербурга по указу императора Николая I в память о победе его старшего брата Александра I над Наполеоном, о торжественном открытии которой Жуковский написал «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года». «Благоговеющая Европа» Фомина, посвященная А.А. Аракчееву, призванному в 1812 г. Александром I к управлению военными делами, начинается двумя эпитафиями, восхваляющими славу русского царя, освободителя Европы. Гимн Александру I строится автором, во-первых, на противопоставлении его Наполеону, «тирану, ослепленному гордостью», «по рекам крови человеческой, по трупам жертв своего честолюбия вторгшемуся в пределы российские» [17. С. 9], и, во-вторых, на идее «удара рока», которым называется война 1812 г. и под которым Россия не только не потеряла своего величия, но и спасла от рабства Европу.

Особый интерес представляет последняя по времени публикации книга о войне 1812 г. из библиотеки Жуковского – «Разговор Неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М.А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года. (Отрывок из воспоминаний 1812 года)» А.Я. Булгакова. Если быть точным, в собрании Жуковского находится оттиск опубликованного в «Москвитянине» отрывка из «Воспоминаний 1812 года» А.Я. Булгакова [18]. Он открывается рассуждением автора о роли воображения в описании исторических событий, о соотношении в историческом нарративе занимательности и исторической правды: «Кажется, что писатели нашего времени... приняли правилом отвергать по произволу исторические и достоверные материалы и пользоваться сомнительными документами, лишь бы сходны были они с духом и чувствами, коими руководствуется перо их» [18. С. 2].

Осмысливая исторический факт как предмет изображения, Булгаков переводит разговор к воспоминаниям о 1812 г. Он очень подробно описывает свою службу у Ростопчина, свои визиты к нему на дачу, разговор о необходимости оставить Москву, в котором принимал участие и Н.М. Карамзин. Его имя, думается, не случайно введено Булгаковым в повествование. Карамзин представляется читателем великим историографом, которому глубокие знания прошлого позволяли быть пророком, провидящим будущее: «Казалось, что прозорливый глаз Карамзина открывал уже вдали убийственную скалу Св. Елены!» [18. С. 5]. На сомнение Ростопчина: «Вы увидите, что он вывернется!» (в котором Жуковским зачеркнуто местоимение «он» и на верхнем поле вписано: «Эта бестия были слова, графом Р. сказанные, но цензура не пропустила») Карамзин «с каким-то твердым убеждением возразил: “Нет, граф! Тучи, накопляющиеся над главою его, вряд ли разойдутся!.. У Наполеона всё движется страхом, насилием, отчаянием; у нас всё дышит преданностью, любовью, единодушием» [18. С. 7].

Центром воспоминаний Булгакова является рассказ о том, как он случайно услышал в Андреевском историю о встрече Мюрата и Милорадовича, ко-

торый объезжал свои передовые посты, о том, как, узнавши друг друга, они «перекланились и обменялись несколькими фразами» [18. С. 15]. И далее Булгаков посвящает читателя в процесс перерождения исторического факта в художественный вымысел, который был организован им лично. Желая позабавить больного графа Ростопчина, Булгаков придумал разговор, якобы состоявшийся между «любимцем Наполеона и любимцем Суворова», в котором Ростопчин без труда разглядел вымысел. Однако, дослушав историю до конца, он предложил автору опубликовать ее: «Пусть басенка эта ходит по рукам; пусть читают ее; у нас и у французов она произведет действие хорошее» [18. С. 17]. С благословения Ростопчина Булгаков отправил свой рассказ А.И. Тургеневу, презентировав его как «новость, только что из армии полученную», и «не прошло двух недель, как разговор короля Мюрата с графом Милорадовичем был напечатан в “Сыне Отечества”» [18. С. 17]. Спустя ряд лет, читая историческое сочинение «L'Europe pendant le Consulat et l'Empire de Napoléon par Carefège», Булгаков обнаружил в XI главе 9-го тома весь этот вымышленный им разговор уже на французском языке, передаваемый Капфигом «довольно верно», но как реальный исторический факт. Причем Капфиг указывал, что он заимствовал этот разговор из депеши лорда Каткарта, бывшего в то время английским послом в Петербурге. Так замыкается круг: исторический факт – его художественное восприятие и воспроизведение, базирующееся на принципе достоверности, – рецепция художественного вымысла как реального факта. В этом плане весьма примечательно, что Булгаков заканчивает свои воспоминания об описанном им случае именно художественным текстом: разговором Мюрата и Милорадовича, переданным по законам драматургического произведения (с диалогом участников действия и ремарками автора). «Et voila comme on écrit l'histoire!» – этой французской поговоркой Булгаков начал и закончил свои воспоминания, оформив их, по-видимому, в значимую для него кольцевую композицию.

Таким образом, включив рецепцию мемуаров о войне 1812 г. в контекст мировоззренческих и творческих поисков Жуковского 1830-х гг., можно сделать вывод о том, что проблема историзма художественного сознания являлась для поэта-романтика важнейшей в осмыслении русско-европейской истории и ее изображения в литературе. Все сочинения об Отечественной войне, имевшиеся в книжном собрании Жуковского, воспитывают отношение к современности (или к недалекому прошлому, которое все еще хорошо помнят) как к истории, являющей собой непрерывный процесс, движимый вечным столкновением добра и зла, мира и войны, смысл которой – нравственное восхождение человека и общества к идеалу.

Литература

1. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1–3. Томск, 1978–1988.
2. Слово похвальное Всемилостивейшему Государю Императору Александру Первому, августейшему избавителю и миротворцу Европы, произнесенное в публичном годовом собрании Императорского Московского университета Июля 10 дня 1814 года профессором Алексеем Мерзляковым. М., 1814.
3. Базанов В.Г. Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.; Л., 1961. С. 36.
4. Пухов В.В. Жуковский – составитель и издатель сборника стихотворений русских поэтов // Русская литература. 1959. № 3. С. 186–187.

5. Янушкевич А.С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 13–14.
6. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система В.А. Жуковского. Томск, 2004.
7. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году / под ред. В.А. Жуковского: в 2 ч. М., 1814.
8. Канунова Ф.З. Оппозиция наполеонизма и христианства // Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. Новосибирск, 2001. С. 99–116.
9. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и Великая французская революция // Русская литература и Великая французская революция. Л., 1990. С. 106–141.
10. Жилиякова Э.М. Книга В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарте» и ее русские читатели // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 139–154.
11. Очерки Бородинского сражения: (Воспоминания о 1812 годе). Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем русского офицера». Ч. 1, 2. М., 1839.
12. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. СПб., 1902.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2. М., 2000.
14. Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 года. СПб., 1837.
15. В.А. Жуковский: Эстетика и критика. М., 1985.
16. Шаховской А.А. Москва и Париж в 1812 и 1814 годах. СПб., 1830.
17. Благоговееющая Европа пред мавзолеем Александра I Благословенного. Сочинение Н. Фомина. СПб., 1833.
18. Булгаков А.Я. Разговор Неаполитанского короля Мюрата с генералом графом М.А. Милорадовичем на аванпостах армии 14 октября 1812 года: (Отрывок из воспоминаний 1812 года). [М., 1843].